

Наш знакомый — Андрис Лиена

— Это мы с Людмилой Семенякой в «Щелкунчике», это с Ниной Тимофеевой в «Любовью за любовь», здесь я танцую партию Курбского в «Иване Грозном». А это фотография моего детства: отец, сестра Илзе и я маленький. Теперь я покажу вам свои рисунки.

Андрис убрал толстенную кипу фотографий и принес папку с карандашными рисунками. И здесь тоже царствовал балет. Вот отец — Марис Лиена в какой-то роли (маленький Андрис нарисовал его сразу после спектакля). А это зарисовки, помогающие Андрису работать над своими ролями, искать пластически выразительные образы.

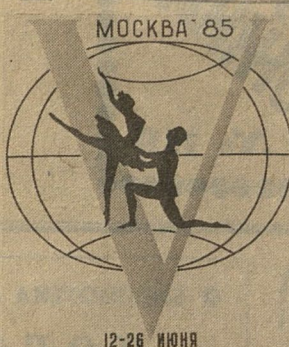
— Андрис, в детстве вы не хотели стать художником? У вас, пожалуй, есть способности...

— Я воспитывался в театральной семье — это определило мое отношение к театру, точнее, к балету. С раннего детства я ходил на спектакли с участием отца, на детские спектакли. В 10 лет пошел в хореографическое училище, выдержал вступительные экзамены и был принят. Начальные классы — время становления, когда вырабатывалась в первую очередь техника. В то время я еще не осознавал, какого труда требует балет, хотя видел, как серьезно работает отец. С детства мои увлечения балетом и изобразительным искусством шли параллельно. Театральные впечатления выплескивались в серии пластилиновых фигурок — я лепил балетных принцев. Лепка помогает находить пластическое решение характера. Балет по своей природе динамичен, но у меня возникает желание выхватить какие-то мгновения, запечатлеть их. Если увлекает образ, хочется его вылепить. Например, прочитал «Дон Кихот», посмотрел балет — и слепил своего Дон Кихота.

Рисую немного, сказывается отсутствие школы: все поглощала хореография, на остальное времени не оставалось. Но в лепке меня почему-то не сковывает недостаток профессионализма: могу вылепить все, что есть в моем воображении.

— Нынешний конкурс артистов балета в вашей жизни второй. Что дал вам предыдущий, IV Международный?

— Выступление на конкурсе дает всегда очень много. Мы с моей партнершей Ниной Ананишвили тогда, в 81-м году, только заканчивали училище и, конечно, мечтали участвовать в таком ответственном соревновании. У нас не было задачи обязательно получить «золото» — мы просто хотели станцевать как можно лучше. Не должно быть такой цели — завоевать место. Мы танцуем не ради приза — мы танцуем для зрителей. Балет отличает-

ся от других искусств — музыки, живописи, литературы тем, что он существует только в момент творчества. Балет сиюминутен. Я не могу танцевать в надежде, что меня поймут когда-нибудь потом. Это художнику и писателю не страшно: их увидят и прочитают следующие поколения. Мы же работаем только для сегодняшнего зрителя.

Балет меняется во времени: сегодня я танцую не так, как вчера. Не только повторить в точности спектакль — даже одно движение сделать несколько раз абсолютно одинаково мы не можем.

Вы скажете: кино, телевидение. Да, существует телевидение! Но в любом воспроизведении балет обедняется! Посмотреть спектакль в зрительном зале — совсем не то, что увидеть его по телевизору: нет того чувства праздника, той атмосферы, что присуща театру. А при съемке балета в кино так много зависит от режиссера, от оператора, от возможностей кинотехники — и так мало от самого артиста...

— Андрис, расскажите, пожалуйста, что вы успели за 4 года работы в Большом театре.

— Первый мой спектакль был «Моцарт и Сальери» — я танцевал Сальери. Потом Бенедикт в «Любовью за любовь», Нерсо в «Гаяне». За последний сезон я подготовил 4 партии: Принца в «Деревянном принце» Бартока, еще одного Принца — в «Щелкунчике» (это моя первая крупная партия), Егора в «Калине красной» и Курбского в «Иване Грозном».

— Какую роль считаете самой интересной?

— Князя Курбского. Это очень сложный человек, умный, просвещенный, один из самых образованных людей своего времени. Он был не только полководцем, но и писателем, автором «Истории о Великом князе Московском» и других сочинений.

Я читал переписку Курбского с Грозным — единственный материал, из которого можно узнать личность Курбского. Через эти письма характер князя Курбского открывается гораздо больше, чем характер Ивана Грозного.

Этот балет я считаю одним из самых сильных. Даже когда смотрю его из зала, как зритель, — получаю физическое удовольствие.

Очень полезной для меня оказалась роль Сальери. Я не вижу в нем отъявленного злодея, как его иногда преподносят. Отношения Моцарта и Сальери — это трагедия гения. И таланта, которому не хватало лишь одной «мелочи» — божественного дара. Никто не мог понять Моцарта лучше, чем Сальери. В спектакле всего три партии: Моцарт, Сальери и Черный человек, символ рока. Отношения между ними — это отношения с искусством, с судьбой.

С. НОВИКОВА.

Фото В. ПЧЕЛКИНА.

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
14 ИЮНЬ 1986